

**Прикладной анализ поведения (ПАП) и
расстройства аутистического спектра.**

Вопросы и ответы.

Интервью с практикующим психологом и психоаналитиком, экспертом в области психологии людей, имеющих специальные потребности, Адамом Гольдштейном. Он отвечает на вопросы, связанные с использованием прикладного анализа поведения при работе с детьми с расстройством аутистического спектра. Его интересные и полезные умозаключения основаны на многолетней практике и опыте работы с людьми разного возраста, имеющими особенности развития.

В 1968 году Байер, Вольф и Ризли определили ПАП следующим образом: «... процесс, в котором принципы бихевиоризма планомерно применяются для улучшения социально значимого поведения и где используется экспериментальное определение значимых переменных для изменения поведения».

Каковы же критерии определения поведения, аутизма и адекватности? Этот сложный вопрос часто разбирается под влиянием субъективности и эмоций. Проводя наблюдения, размышляя и действуя, мы можем отмечать различия во взаимоотношениях и лучше понимать наших детей, учеников и самих себя. Таким образом, на пути познания перед нами открываются большие возможности.

При расстройствах аутистического спектра родители и врачи пытаются найти такие подходы к обучению детей, при которых вырабатывается определенная система, объясняющая все достижения и провалы в учебном процессе. Идет постоянный поиск осязаемых, задокументированных методов обучения, которые позволят достичь прогресса, результата и поддаются конкретной оценке. Безусловно, при таком подходе обучение основано не только на надежде и эмоциях, но и на определенных абсолютных стандартах, которые не должны подвергаться сомнению. Происходит постоянный поиск ответов, чтобы объяснить поведение детей с РАС, которое, кажется, объяснить невозможно – поэтому очень важно учиться обращать внимание и на свое поведение, и на ближайшее окружение, и на все то, что можно изменить для того, чтобы сформировать платформу для взаимоотношений, доверия, общения и развития.

В прошлом ПАП признавался единственным результативным и надежным методом обучения детей с аутизмом. В настоящее время прикладной поведенческий анализ является наиболее распространенным методом терапии детей с РАС, однако и он становится объектом дискуссий. Количество различных подходов и методов постоянно увеличивается, и ПАП начинает казаться более естественнонаучным. Современные люди все чаще выходят за рамки поведенческих шаблонов, поэтому аверсивную и дискретную терапии уже нельзя назвать синонимами ПАП.

То, как поведенческий аналитик понимает ПАП, зачастую определяет и его взгляды на методологию. Как и в отношении других вещей, наше мнение о каких-либо процессах основано в первую очередь на опыте (как позитивном, так и негативном). То, как конкретная методика применяется в одной школе или учебной программе, вовсе не значит, что точно так же это будет выглядеть в других условиях. Как же тогда сделать правильный выбор? Как разобраться, что действительно может помочь ученикам, а что нет? Чтобы ответить на эти

вопросы, для начала необходимо усвоить правильный подход: для того, чтобы обозначить методы и результат, которого мы хотим достичь, нужно не просто понимать диагноз, но и понимать характер и поведенческий рисунок ребенка. Эффективность программы можно определить только в случае одновременного использования этой программы, то есть необходимо констатировать, анализировать и изучать поведенческие связи ребенка в различных ситуациях – дома, у терапевта, с членами семьи, в социуме и т. д.

Чтобы разобраться в некоторых тонкостях поведенческого анализа и яснее понять перспективы и эффективность ПАП в существующей системе поддержки учеников с различными отклонениями в развитии, мы представляем интервью с экспертом Адамом Гольдштейном.

Адам Гольдштейн – магистр по развивающей психологии (Иешива-университет), закончил Вашингтонский институт психоанализа и психического здоровья, а также Йоркский университет Святого Джона с дипломом по клинической детской психологии. Лицензированный школьный психолог и психоаналитик, Адам Гольдштейн в данный момент занимается частной практикой и работает в округах Нью-Йорк, Нассау и Вестчестер с людьми, имеющими специальные потребности; его практика проходит с детьми, взрослыми и целыми семьями у них дома, в школах и в специальных учреждениях, которые находятся под опекой Нью-Йоркской службы для людей с особенностями развития.

– *Какое определение лично вы даете ПАП?*

– Я считаю, что ПАП – это набор эмпирически доказанных интервенций или инструментов, с помощью которых можно обучать определенным способностям, а также менять поведение. Я считаю, что при каких-либо нештатных ситуациях любое поведение возможно изменить.

– *Какие плюсы и минусы вы видите в модели ПАП?*

– В пользу интервенций ПАП основной аргумент заключается в том, что при использовании этого метода его результаты можно измерить. На базовом уровне человек учится жить, взаимодействуя с позитивными и негативными изменениями в окружающей действительности. То, кем мы станем, зависит в числе прочего от различных потрясений и последствий отношения к нам наших близких. Хочу подчеркнуть, что как позитивные интервенции, так и негативное влияние – это довольно естественные процессы, и программы ПАП должны отражать обе тенденции. Некоторые сторонники ПАП считают, что для обучения необходимы исключительно позитивные интервенции, но я считаю, что, если правильно не объяснять ребенку о последствиях своих действий, мы не сможем подготовить наших детей к негативным жизненным результатам или провалам. Они должны научиться принимать и негативные последствия, и поощрения. В случаях, когда дети с аутическим синдромом учатся справляться с чем-либо при помощи неизменной окружающей среды или окружающей среды с низким уровнем стимулов, мы не учим их справляться с переменами или случаями чрезмерной стимуляции. Мы можем в конце задания возвращаться к их «точке комфорта самоидентичности», которая должна быть подкрепляющей сама по себе. Обучение наших детей при помощи ПАП для того, чтобы принимать и справляться с изменениями или с высоким уровнем стимуляции, является очень важным моментом, так как изменения неотвратимы. Ожидания ребенка, что семья должна сохранить все без изменений, либо наоборот полностью все изменить, иногда могут стать преобладающими, что в итоге может привести к разрушению этой личности или всей структуры семьи. Программы должны вносить изменения в рутину систематизировано и дозировано, чтобы не нанести вреда ребенку с РАС. Таким образом мы подошли к негативному аспекту ПАП, и он является более практическим, чем теоретическим. Если предоставляются возможности для отработки полученных способностей на практике в другой окружающей среде таким образом, чтобы имела место генерализация, такая работа может быть полезной. Но, по моему опыту, родители и учителя не всегда могут способствовать использованию полученных навыков, и поэтому их

использование происходит вне учебного процесса. Хотя это и может быть достаточно простым в отношении реакции на повседневную активность, но когда дело доходит до опыта в реальной жизни и социализации, практические возможности по-прежнему весьма ограничены. То есть вопросы социализации в этом случае не совсем отвечают эмоциональному развитию и вовлеченности. И последнее, сторонники ПАП часто забывают о чувствах. Их аргументом является то, что несмотря на чувства они в любом случае могут изменить поведение. Мне кажется они правы. Но проблема все же наступает, когда благодаря поведению ребенка мы не можем понять что-то, что он не может вербализировать. Я встречался с детьми, которые не контролируют свои эмоции в школе, но если бы интервенции были сделаны таким образом, чтобы рассмотреть стимул эмоциональных вспышек или награду за такое поведение, возможно, такое трудное поведение можно было бы «погасить». В конкретном случае, о котором я хочу рассказать, факт того, что дома ребенка пороли ремнем, мог никогда и не стать известным. Нам необходимо быть аккуратными для того, чтобы обеспечить точный функциональный анализ поведения и понять эмоциональное окружение ребенка. Я провожу широкий функциональный анализ поведения для того, чтобы обеспечить функциональное понимание поведения, или просто сделать так, чтобы чувства, выражаемые поведением, были правильно переданы, а чувства и нужды ребенка были основаны на его эмоциональном развитии. Чувства родителей также должны стать частью программы и интервенций.

– Какие успехи, на ваш взгляд, произошли в последние 5 лет в отношении ПАП?

– В отношении ПАП я вижу успехи по увеличению количества учебных планов на вертикаль развития во всех ее проявлениях, в том числе опорно-двигательную систему, язык, когнитивные процессы и социальное развитие.

– Какие, на ваш взгляд, существуют самые крупные заблуждения и недопонимания в области ПАП?

– Я больше всего переживаю за то, что родители считают, что ПАП вылечит их детей и решит основные проблемы ребенка с РАС, а именно дефицит социальных навыков, практических аспектов и эмоциональной настроенности. Я считаю, что с помощью ПАП ребенку можно привить социальные навыки, если он уже обладает навыками общения и обмена мнениями. При этом я никогда не встречал ребенка, который с помощью ПАП научился бы эмоциональной спонтанности, настроенности, сочувствию, симпатиям и

обмену эмоциональным опытом. Основная трагедия родителей детей с РАС – отсутствие эмоций, эмоциональной вовлеченности. Родитель с развитыми навыками наблюдения иногда может заметить небольшие изменения во взгляде и напряженности мышц при передаче каких-либо эмоций, однако надо быть осторожным, чтобы не проецировать на ребенка свои желания по поводу его чувств и ощущений. Если мы не видим прямой реакции со стороны ребенка, мы можем только предполагать. Также есть дети, которые после того, как научились говорить, смогли вербализовать свой опыт, и показывали раздражение из-за того, что не могли правильно сообщить свои желания и переживания. При этом для меня открытыми оставались вопросы: «Что чувствует непосредственно сам ребенок? Может быть, он выражает только то, чему его научили?»»

– *Каким вы видите будущее поведенческой терапии для детей с РАС?*

– Я был бы очень рад, если бы знал сам. Существуют уникальные исследования по картированию головного мозга и ДНК. Наука и технологии значительно расширяют наше понимание мира и аутического синдрома. Мы делаем настолько много предположений о РАС, что каждый из нас может быть опровергнут уже завтра, когда появится новая теория. Это и есть прогресс. Благодаря различным индивидуальным случаям мы генерализуем опыт и приходим к мнению, что, если эта интервенция сработала в одном случае, она сработает и во всех остальных. Несколько месяцев назад в Нью-Йоркской газете Sunday Times была статья, в которой говорилось, что РАС можно излечить при помощи интенсивного участия и воздействия родителей. Без детального понимания конкретного генезиса детского аутизма, который может быть биологическим, появившимся в период созревания, вследствие экологической обстановки или же комбинацией различных вариантов, мы не можем с уверенностью говорить, что какая-либо интервенция приведет к излечению. Родители считают, что неврологическая гиперчувствительность, пищевая аллергия, вакцинация, синдром Мартина-Белла или отсутствие у ребенка зеркальных нейронов являются причинами. Кто-нибудь слышал о случаях излечения ребенка с синдромом Мартина-Белла? Я был бы очень удивлен, услышав об этом. Также необходимо определить, что имеется в виду под «излечением». Если ребенок с РАС научился играть в видеоигры с типичными заданиями, можно ли это считать излечением? Действия в игре очень мало связаны с вопросами прагматики и невербальных коммуникаций, а проблемы персеверации, отсутствия эмоциональных ответных действий и реакций, которые являются основой диагноза, не обязательно являются частью этой игры.

Мне кажется, что благодаря нашему всестороннему пониманию аутического синдрома, мы скоро узнаем о многих субкатегориях и трудностях этого диагноза. Данный прогноз может сбыться не только благодаря врожденным способностям ребенка, но и поддержке семьи и общества. Я работаю со многими агентствами, взаимодействующими со школами и частными компаниями, для того чтобы они приняли разницу между людьми с РАС и начали интегрировать таких детей и взрослых в школы и компании. Культура меняется, а законы IDEA*, которые способствуют поддержке таких людей, помогают уменьшить социальную стигматизацию. Родителям же все равно придется учиться, как лучше воспитывать своих детей со специальными потребностями, осознанно приспособив свои родительские навыки к потребностям своих детей, а свои ожидания – к необходимости понимать, кем являются их дети. После того, как эта работа будет выполнена, они смогут помочь своим детям реализовать их потенциал.

– Считаете ли вы возможным комбинировать традиционные поведенческие подходы с моделями, такими как SonRise и DIR/Floortime, основанными на взаимоотношениях?

– Учитывая мой опыт и образование, я полностью согласен с тем, что для достижения максимального развития необходимы многочисленные интервенции. Основой SonRise служит отсутствие привязанностей и взаимное вовлечение. С аналитической точки зрения SonRise поддерживает связующую среду, в которой родитель садится с ребенком и пытается вовлечь или подтолкнуть его к эмоциональной реакции, например, взволнованности, заинтересованности или всплеску энергии. Все три этих термина не поддаются легкому объяснению с поведенческой точки зрения. А именно, как их измерить? Более того, подход подразумевает, что родители должны быть максимально объективными и уйти от оценочного подхода к своим детям, в нашем случае к детям со специальными потребностями, РАС или любой другой инвалидностью. При психоанализе долгое время отвергалась идея объективности и отсутствия влияния на лечение со стороны терапевта. Сейчас доминирует подход, учитывающий родственные связи. Уникальная взаимосвязь формируется до определенного момента, однако характер каждого конкретного человека также придает очертания этим отношениям. Основываясь на изначальном понимании того, что рано или поздно родитель начнет реагировать на то, что делает его ребенок, появляется суждение о том, что действия ребенка должны быть поддержаны какой-либо реакцией со стороны родителей. Подходы Floortime и SonRise являются интервенциями, которые пытаются решить на самом основном и базовом уровне эмоциональной вовлеченности проблему безучастности ребенка к

происходящему, что часто называют аутическим синдромом. С моей точки зрения ПАП еще предстоит длинный путь развития в этом отношении. Взаимодействие людей – трудная и обширная область, и исследования ПАП только сейчас начинают в полной мере учитывать чувства и эмоциональное развитие.

– Что вы считаете основной трудностью и основным преимуществом применения мультистратегического подхода в образовании, социальных условиях и дома?

– Основной трудностью в применении мультистратегического подхода являются люди. Когда люди находятся под стрессом, они ищут путь, чтобы избежать этого стресса. Когда мы сталкиваемся с трудностями нашего ребенка, мы хотим сделать для него все что угодно и исправить проблему, чтобы ребенок вел себя и развивался соотносимо с нашими ожиданиями, желаниями и мечтами. Каждая из этих концепций основана на нашем воспитании и находится в рамках общества, в котором мы живем. В результате стресса мы пытаемся сфокусироваться на одном способе, который, по нашим представлениям, должен решить все проблемы. Использование различных стратегий слишком трудно и на инстинктивном уровне идет вразрез с нашей интуицией. Если люди уже сделали определенный шаг – выбрали ПАП и достигают при помощи него какого-либо прогресса, то они останавливаются на этом и принимают статус-кво. Мы говорим о потребностях детей с РАС, но как быть с их близкими? Как их сестры и братья относятся к ним? А что происходит с отношениями между родителями? Как себя ведут с ними окружающие дети и их родители? В своей работе я обсуждаю и занимаюсь всеми этими потребностями, чувствами и мыслями.

– При работе с невербальными и полувербальными клиентами с РАС как вы измеряете их возможность принимать участие в помощи, которая им оказывается?

– Мне необходимо понимать, что вы имеете в виду под «помощью»? Помощью можно считать обучение различным выражениям лица и создание пары между словом «злой» со злым или строгим выражением лица. Почему человеку предлагают обратиться за помощью? Почему он невербален? Какой у него когнитивный уровень? Что он готов воспринимать в отношении языковых способностей? Насколько при общении он зависит от коммуникативных средств? Получаете ли вы один и тот же ответ на один и тот же вопрос каждый раз, когда задаете его? Мы можем рассматривать модели поведения и

рассматривать их с точки зрения какого-либо смысла, но мы должны быть аккуратны. Также я бы обратил внимание на то, как семья воспринимает невербальное поведение ребенка. Иногда полезно работать не только с ребенком, но и с его семьей.

– Как вы поощряете самоадвокацию у ваших учеников, при этом уважая желание семьи исправить его поведение?

– Это очень трудный вопрос. Какими бы замечательными не были Floortime и SonRise, они являются интервенциями, направленными на исправление дефицита, основанного на проблемах сближающего общения и эмоциональной вовлеченности. Самоадвокация необходима, потому что большинство людей считают, что нужно исправить все, что им кажется неправильным и изменить всех, кто ведет себя по-другому. Следует отметить, что, когда у человека существуют сложности со взаимодействием с кем-либо, это становится важной проблемой. Поэтому дети и взрослые должны учиться самоадвокации. Давайте представим себе ситуацию: если ребенок занимается самостимулирующей настолько часто, что он принимает участие в других активностях, станет ли это причиной отказаться от лекарств и сильных поведенческих интервенций? И, с другой стороны, если самостимуляцию или качание удастся нормализовать, дав ребенку наушники с музыкой, и это для ребенка с аутизмом будет комфортной ситуацией, в которой он может нормально функционировать, то почему нет? Каждый случай уникален, как отпечаток пальца. Он уникален с точки зрения решений, которые принимают родители и ребенок (если это возможно). Решения должны быть основаны на восприятии, знаниях и чувствах тех, кто вовлечен в процесс. Что правильно или неправильно для одного ребенка и его семьи, не обязательно будет иметь такой же результат для других. Когда я работаю с семьями, моя основная цель – эмоциональная помощь семье, для того чтобы понять, что для них комфортно и что они хотят для себя и своего ребенка. Мысли и чувства о возможности исправлений всегда лишь вопрос правильного соизмерения.

– Что вы называете самостимуляцией?

– Я придерживаюсь мнения, что самостимуляция – это один из вариантов регулирования своего тела и познания мира. При этом мы можем интерпретировать понимание самостимуляции на нескольких уровнях, исследования и примеры из практики помогают в этом. Но при работе с людьми я работаю прежде всего с их идеями, чувствами и мыслями, и, конечно, если ребенок может сам сказать, зачем он занимается

самостимуляцией, то это очень хорошо. Если ребенок сам не может сказать, зачем он это делает, мы начинаем рассматривать его потребности и наблюдаем проявления самостимуляции, для того чтобы понять их. Кстати, для некоторых детей, вплоть до 9 лет, душ по утрам очень помогает выстроить для себя правильное расписание на день вперед и меньше заниматься самостимуляцией.

– Как вы считаете, самостимуляция помогает клиентам справляться с окружающей действительностью или это всегда мешающее поведение, от которого надо избавиться?

– С поведенческой точки зрения вряд ли важно, что я считаю по этому поводу. Давайте рассмотрим ваш вопрос с разных точек зрения. Я предполагаю, что у самостимуляции есть какая-то функция, иначе бы она изначально не проявлялась. С измерительной точки зрения, можно утверждать, что самостимуляция регулирует нервную систему, а может, наоборот, способствует в достижении поставленных целей, например, привлечь к себе внимание, чтобы получить игрушку, которую ребенок хочет. Когда он получает желаемое, самостимуляция прекращается. Такое поведение может быть сверхдетерминированным. А если представить, что самостимуляция – лишь способ самоуспокоения, то возникает ряд вопросов. Стоит ли нам это прекратить? Если да, то почему и когда стоит прекратить? В какой момент будет уже слишком? Когда я работаю с ближайшим окружением ребенка, эти решения принимаются родителями и школами. Строго с поведенческой точки зрения, самостимуляция может быть высоко вероятным поведением и важным подкреплением. Я предпочитаю не вставать на чью-либо сторону, пока не увижу научных доказательств, связанных напрямую с проблемой, над которой я работаю. Я помогаю семьям найти наиболее подходящие ответы и работать с ними на основе их желаний, а свои мысли высказывать только по достижении окончательных результатов.

– Каково ваше мнение о предоставлении прав людям с диагнозом РАС и схожими диагнозами?

– Это очень широкий вопрос. Во-первых, до какой степени дети или взрослые должны принимать за них решения? Люди с различными РАС функционируют на совершенно разных уровнях. Я не вижу причин, по которым они не могут принимать решения по вопросам, соизмеримым с их уровнем функционирования и возможностью принимать взвешенные решения, основанные на краткосрочных и долгосрочных выгодах и недостатках, на

здоровье, безопасности и так далее. Этот вопрос я задаю семьям с нормативно развивающимися детьми, которые устраивают истерики, когда не получают то, что хотят. Они – главные в доме. Следует ли пятилетнему ребенку иметь такую власть? А десятилетнему? Мы учимся принимать обоснованные решения, стараясь быть наиболее прагматичными и приземленными. Дети принимают решения, основываясь на краткосрочных выгодах и желаниях.

– Как вы рекомендуете семьям обсуждать диагноз их ребенка с ним?

– Хороший вопрос. Расстройство аутического спектра – очень сложный диагноз. Во-первых, родителям трудно примириться с диагнозом, и основной причиной этого является то, что у них очень много мыслей и чувств об изменениях, которые этот диагноз привнесет в их жизнь. Поэтому, в первую очередь, сами родители должны быть готовы прагматично и реалистично говорить о том, что представляет аутизм их ребенка с точки зрения тех особенностей, которыми он отличается от других. Существует реальность, которая может либо не может быть подвергнута изменениям. Разговор всегда можно начать с вопросов, чтобы понять, что думает и чувствует ребенок. Тон и манера разговора должна быть очень практичной и информативной, доносить информацию как можно более реалистично: «Тебе нужно начать носить очки, в них ты будешь лучше видеть, но некоторые люди будут над тобой смеяться». Или: «Да, ты относишься иначе к другим людям. Ты не проявляешь так легко свои чувства, как они, и не понимаешь, что чувствуют другие. Возможно, ты хочешь спросить: «Что они чувствуют? И как бы они хотели, чтобы я отреагировал?» Если ты чувствуешь, что дать им то, что они просят – для тебя нормально, тогда так и сделай». Снова хочу подчеркнуть, что каждый случай надо рассматривать индивидуально, так как количество потребностей, социальных обстоятельств и вариантов поведения на разных уровнях настолько велико, что дети с РАС, а иногда и обыкновенные дети не всегда принимают верные решения.

– С помощью каких инструментов можно помочь людям использовать их диагноз, а иногда и трансформировать свои трудности в преимущества?

– Я не уверен, что существуют конкретные подходящие инструменты. Родители и общество должны менять отношение и подходы к работе, скажем, с консервирующим поведением, заикленностью на цифрах, картах, игрушках или любых других вещах. В своей работе с детьми я считаю правильным обсуждать интерес ребенка к чему-либо как можно более подробно, а также постараться расширить этот интерес и привнести новые навыки и знания. Они

могут превратиться в набор навыков, которые затем могут быть адаптированы к играм или работе. Понятно, что в случаях, когда работа требует повторения и отличных математических способностей, например бухгалтерия, инженерия и так далее, навыки детей с аутизмом могут стать преимуществами.

– Как вы считаете, какие знания необходимы обществу, семьям и конкретным людям, чтобы наиболее эффективно поддерживать людей с РАС, чтобы они могли стать успешными дома, в школе и в своем социуме?

– Первым приходит в голову то, что людям обычно необходимо общаться и взаимодействовать с окружающими. Люди – социальные животные. Люди с РАС не такие общительные и не настолько хотят общения, как другие. Если мы сможем принять, что не всем людям нужно общение и они счастливы без него, то это позволит значительно ослабить давление по этому вопросу.

– Считаете ли вы необходимым заострить внимание на каких-либо вопросах?

– Мне кажется, что существует социальное давление на сообщество людей с РАС. Необходимо радоваться различиям и позитивно смотреть на вещи. Политкорректность в плане того, что говорить, как говорить, должна ограничивать выражение многих чувств. Также с сожалением вынужден сказать, что многие родители испытывают чувство огромной потери, когда у них рождается ребенок с особыми потребностями, РАС и так далее. Жизнь пойдет по незапланированному сценарию. Жизнь будет другой и, хотя многим вещам можно радоваться, конечно, присутствует чувство утраты и разочарования. Эти чувства будут появляться и дальше, их нужно принять и работать с ними каждый раз, когда они возникают. Меня волнует то, что, хотя многие семьи могут выполнять свою работу и находить причины для радости, другие испытывают совершенно противоположные чувства, которые тоже нужно выражать. Я считаю, если сообщество людей с расстройством аутистического спектра не будет открытым для дискуссий о всех позитивных и негативных чувствах, злости и обреченности, чувстве утраты и непосильной ноши, оно не сможет полностью обеспечить все потребности, необходимые для семей, столкнувшихся с таким диагнозом. В конце дня и посреди ночи все эти вопросы будут продолжать будоражить наше воображение. Поступили ли мы правильно, выбрали ли мы правильный путь. Но мы должны продолжать получать новые знания и находить баланс для наших инстинктов. Этот диалог жизненно необходим для нашего сообщества и для того, чтобы удовлетворять потребности наших близких, столкнувшихся с РАС, на их пути к счастью и прогрессу. Если мы хотим менять чье-либо поведение, мы должны

прислушаться к голосам тех, кто пытается привлечь наше внимание и сообщить нам, что действительно происходит. Нам следует обратить внимание и на свое поведение. Возможно, его тоже следует поменять!

* IDEA – Individuals with Disabilities Education Act, один из основных документов, регулирующих образование людей с инвалидностью в США, Закон об образовании лиц с инвалидностью.